

А.Н. Архангельский

Повесть «Палата № 6»

За поездку на Сахалин Чехов заплатил непомерно дорогую цену. Имеются в виду вовсе не денежные средства, а нечто куда более важное. Он с юности страдал начатками опасной болезни чахотки (так называли тогда туберкулез). В тяжелых климатических и бытовых условиях каторжного Сахалина болезнь обострилась и уже не оставляла писателя до самой его смерти, преждевременной и потому особенно печальной. Но в конце 1880-х Чехов еще ничего не знал о том, что времени у него осталось немного. Он признанный писатель, материально независим, свободен от поденщины, может сосредоточиться на любимых замыслах. Интонацию его рассказов и повестей не спутаешь ни с чьей другой.

Однако чтобы подняться на вершину творчества, необходимо было создать узнаваемый и такой же неповторимый образ *чеховского героя*. Те персонажи, которые мелькали в его прозе до сих пор, принадлежали к разным слоям, к разным типам. В них не было ничего характерного, специфического — того, что сразу отличало бы их от других героев русской классической литературы. Мы ведь никогда не спутаем типичного гоголевского *чиновника* с типичным толстовским *правдоискателем*, легко отличим *замоскворецкого купца* в драмах Островского от *маленького человека* в прозе демократов-шестидесятников.

К началу 1890-х годов такой тип героя в чеховской прозе сложился.

Это обычный, *средний* человек, показанный в обстоятельствах повседневности; часто — провинциальный интеллигент, достаточно образованный, но не блестящий, не хватающий звезд с неба: инженер, врач, адвокат, учитель. А главное — человек, тоскующий об утраченном смысле жизни, о бесцельно упущенном времени, о своем одиночестве. (Разумеется, есть в прозе Чехова и другие персонажи. Тут и помещики, и священники, и христка... Но мы говорим о типичном, «фирменном» чеховском герое.)

Что же может быть интересного в изображении средней заурядной личности, которой сопутствуют обыденные обстоятельства? Но в том и дело, что Чехов берет такой момент в жизни своего негероического персонажа, когда его сознание сталкивается с неразрешимой проблемой и он вдруг обнаруживает, что ничего не понимает в реальности, чувствует ее враждебность. Не важно, какие именно внешние события потрясают его внутренний мир, пускай самые ничтожные, самые комические — вроде скандала на купеческой свадьбе («Свадьба»). Главное, что герой внезапно останавливается перед необъяснимостью жизненного устройства и напряженно переживает свое новое состояние.

Итак, повторим: *в отличие от персонажей Достоевского или Толстого, герои Чехова — не мыслители и не правдоискатели, они люди из толпы, носители того массового сознания, от которого на этом свете слишком многое зависит*. Поэтому никаких самостоятельных философских выводов они не делают, даже если имеют к этому некоторую склонность. Просто переживают потрясение и останавливаются перед пугающей, страшной загадкой. Как, например, герои драматической и безысходной повести «Палата № 6» (1892), которая произвела на современников писателя очень сильное впечатление.

В центре повести, действие которой, как обычно у Чехова, разворачивается в застойно-провинциальном городке — больной и его доктор; причем врач сам в конце концов оказывается в больничной палате № 6, предназначенной для умалишенных.

Обитатель палаты Иван Дмитрич Громов страдает манией преследования; он постоянно мрачен. Но прежде он был деликатен, услужлив, нравственно чист и очень много читал. Любимой темой его разговоров была «духота» городской жизни: «у общества нет

высших интересов, оно ведет тусклую, бессмысленную жизнь... нужны школы, местная газета с честным направлением, театр, публичные чтения, сплоченность интеллигентных сил; нужно, чтоб общество сознало себя и ужаснулось». А теперь он лежит в больничном халате, мрачно отвернувшись от всех, и его жизнью управляют не столько врачи (им до больных нет дела), сколько жестокий и тупой смотритель Никита.

Доктор Андрей Ефимыч Рагин тоже деликатен и тоже любит читать. Постоянная тема его разговоров с единственным приятелем, почтмейстером Михаилом Аверьянычем та же самая: отсутствие духовных запросов в обществе. «...Как, глубоко жаль, уважаемый Михаил Аверьяныч, что в нашем городе совершенно нет людей, которые бы умели и любили вести умную и интересную беседу... Даже интеллигенция не возвышается над пошлостью; уровень ее развития, уверяю вас, нисколько не выше, чем у низшего сословия». Все это нам уже знакомо — когда-то подобные идеи исповедовал больной Громов. Параллель между героями проведена сразу и четко, движение сюжета подчинено ей без остатка. Различие лишь в том, что один *уже* выбит из общей колеи своим помешательством; другой — *пока* нет и плывет по течению, постепенно деградируя и опускаясь.

Но однажды доктор имел неосторожность зайти к больному и побеседовать с ним по душам (сказалась любовь к умному разговору). Диалог между ними состоялся какой-то странный; Громов напомнил неверующему Рагину простую истину: «Какая бы великолепная заря ни освещала вашу жизнь, все же в конце концов вас заколотят в гроб и бросят в яму». Андрей Ефимыч не придавал разговору особого значения, он испытывал удовольствие от самого процесса интеллектуальной беседы. Но нехитрая мысль о неизбежности смерти, а значит, о тщете всего земного, незаметно запала ему в душу. И была, как искра, раздута собеседником во время последующих разговоров.

А кончилось все нехорошо. Второй врач этой больницы с говорящей фамилией Хоботов заглянул как-то в палату № 6 и обнаружил: «Иван Дмитрич в колпаке и доктор Андрей Ефимыч сидели рядом на постели. Сумасшедший гримасничал, вздрагивал и судорожно запахивался в халат, а доктор сидел неподвижно, опустив голову, и лицо у него было красное, беспомощное, грустное». И Хоботов, который давно метил на место Андрея Ефимыча, сделал все, чтобы Рагина признали сумасшедшим и в конце концов усадили в палату № 6, где тот сразу же погибнет от апоплексического удара.

История фантазмагорическая — и она тем фантазмагоричнее, чем обыденнее и скучнее описание жизни, окружающей героев; многое в ней заставляет вновь вспомнить о гоголевских «Записках сумасшедшего». И прежде всего метафора «мир — сумасшедший дом — тюрьма», которая обыгрывалась у Гоголя и которая проходит через все чеховское повествование. Тюрьму видно из окон палаты № 6; о тюрьме говорят герои; в палате больных содержат, как заключенных; Иван Дмитрич, который прежде служил судебным исполнителем, повредился в уме именно после того, как повстречал арестантов в кандалах и конвойных с ружьями. «Ему вдруг почему-то показалось, что его тоже могут заковать в кандалы и таким же образом вести по грязи в тюрьму...»

Из этого нехитрого сопоставления тюрьмы и сумасшедшего дома читатели — современники Чехова сделали столь же нехитрый вывод: писатель символически изобразил самодержавную Россию с ее тотальной несвободой, с ее затхлой атмосферой, в которой разум мутится.

Казалось бы, рассказчик дает все основания для такого вывода, для подобной *интерпретации*.

В первом же абзаце повести он проявляет свою активную позицию, вступает в прямой публицистический контакт с читателем и сам сравнивает больницу с тюрьмой: «Эти гвозди, обращенные остриями кверху, и забор, и самый флигель имеют тот особый унылый, окаянный вид, какой у нас бывает только у больничных и тюремных построек. Если вы не боитесь ожечься о крапиву, то пойдемте по узкой тропинке... и посмотрим, что делается внутри».

Безотчетный страх Громова мотивирован исключительно социально: «При формальном... бездушном отношении к личности, для того, чтобы невинного человека лишить всех прав состояния и присудить к каторге, судье нужно только одно: время». История с отправкой Рагина в палату № 6 написана так, чтобы напоминать описание ареста. Бездушная бюрократическая система показана детально, и отношение рассказчика к ней недвусмысленно.

Но вспомним еще раз гоголевские «Записки сумасшедшего». Там ведь тоже были четко обозначены социальные мотивы, показана прямая связь между помешательством Поприщина и его чиновным и человеческим унижением. Однако, анализируя «Записки сумасшедшего», мы приходили к убеждению, что Гоголь мыслил куда глубже, чем многие его читатели. Социальное неблагополучие современной ему России он воспринимал как форму, в которой проявляется вечное, метафизическое и даже мистическое неблагополучие человеческого мироустройства. Не так ли обстоит дело и у Чехова в повести «Палата № 6»?

Проанализируйте диалоги, которые ведут между собой Иван Дмитрич и Андрей Ефимыч.

О чем они говорят? О социальных, о политических проблемах? Да, но лишь отчасти. Прежде всего они обсуждают вопрос о смысле жизни, о страдании, о смерти. Как говорит Громов, «все существо человека состоит из ощущений голода, холода, обид, потерь и гамлетовского страха перед смертью». И многочисленные подробности, социальные характеристики, которые дает рассказчик местному начальству, портреты сумасшедших и врачей — все это постепенно слабеет и теряет смысл на фоне главного: тайны неизбежной смерти, которую ценой своей свободы и даже своей жизни разгадали только два персонажа, Громов и Рагин.

Это важная и очень сложная философская проблема, над которой будут размышлять многие европейские писатели XX века. Но ведь мы сказали, что никто из чеховских героев самостоятельных философских выводов не делает. Его рассказчик тоже воздерживается от лукавого мудрствования. А кто же их делает? Сам *читатель*, которого подспудно подводит к этим выводам ход сюжета.